

ГЛАВА III. Выяснение рабочей идеи. – 1. Система Люксембургская

Утверждая свое право и освобождая свою силу, рабочая демократия должна непременно стремиться к тому, чтобы не только выразить свою идею, но и определенно выяснить кодекс своих учений; таким образом она покажет миру, что то сословие, которому неотемлемо принадлежат право и власть, приобрело себе и знание путем разумной и прогрессивной практики. Вот та цель, которую я себе задал в этом сочинении. Отдавая свой предварительный труд на обсуждение демократического мнения, – я хотел теперь же дать эманципации рабочего класса высокую санкцию науки: делаю я это не потому, чтобы думал навязывать кому бы то ни было свои мнения; но я убежден, что, хотя наука, особенно та, которая имеет дело с обдуманнми действиями и самопроизвольными проявлениями масс, и не поддается импровизациям, ей тем не менее необходимы постоянно возобновляемые синтетические обзоры, не вредящие своим личным характером никаким принципам, ничьим интересам.

Когда в человеческих обществах пробуждается сознание, т. е. право, за ним должно следовать откровение идеи. Таков закон природы, и он объясняется психологией. У мыслящего существа чувство является основанием и первым условием разума. Чтобы дойти до самосознания надо прежде чувствовать себя: оттого-то французские правительства так старательно преследовали и запрещали народные сборища, сходки, собрания, ассоциации, словом все, что могло пробудить сознание в низших классах. Им хотят помешать размышлять и толковать между собою; самое верное средство для этого помешать им чувствовать себя. Пусть они принадлежат к семейству, как лошади, бараны, собаки; лишь бы только смутно сознавали себя, как расу и совсем не сознавали себя, как сословие; лишь бы к ним не проникала идея: тогда, если только откровение не блеснет перед ними извне, рабство их будет упрочено на неопределенное время.

Во Франции в 1789 году народ восстал заодно с буржуазией, с которою он связан единством крови и достоинства, общностью религии, нравов и идей, и разъединен только экономическими отношениями, которые выражаются в двух словах: капитал и наемщика. Но народ предчувствовал, что революция совершится не столько в его пользу, сколько в пользу буржуазии, и это предчувствие ясно выразилось в поджоге дома Reveillon и в других подвигах печального насилия. Подозрение низшего класса оправдалось; рядом с партиями фельянов, конституционистов, жирондистов, якобинцев и др., которые все принадлежали к буржуазии, это подозрение породило народные партии или секты, которые под именем

санкюлотов, маратистов, гебертистов, бабувистов приобрели в истории страшную известность, но обладали по крайней мере тем неотъемлемым достоинством, что с 92 до 96 года дали сознанию низших классов такой толчок, после которого ему невозможно стало вновь погрузиться в сон.

В тоже самое время началось дело народного подавления. Так как задушить народное чувство было уже невозможно, то принялись сдерживать его сильною дисциплиною, сильным правлением, войною, трудом, отнятием политических прав, невежеством; но невежество заставляло краснеть и потому нашли удобным заменить его таким первоначальным обучением, которое не внушало бы опасений. Status quo рабочих классов и полицейский надзор над ними – вот что составляло предмет постоянной заботливости Робеспьера и его якобинцев, термидорьянской партии, директории, консульства, – словом всех правительств, которые сменялись до нашего времени. Гизо оказался относительно либеральным: оба собрания республики были решительно преисполнены обскурантизма. Бессмысленный заговор! Когда плебейское сознание однажды пробудилось, пролетарию стоило только открыть глаза, только начать прислушиваться, чтобы дойти до своей идеи; его противники сами должны были уяснить ему эту идею.

Действительно, общественный вопрос был поставлен в первый раз не самими рабочими: ученые, философы, литераторы, экономисты, инженеры, военные, чиновники, депутаты, негоцианты, промышленники, собственники стали обличать наперерыв друг перед другом аномалии современного общества и совершенно незаметно додумались до самых реформ.

Впродолжение нескольких лет консервативная буржуазия льстила себя надеждою, что рабочие останутся глухи к вызывающему голосу этих нововводителей; но 1848 год доказал ей, что она заблуждалась.

Рабочие классы не отдались никакому вождю: Кабе, диктатор икарийцев, знает это по собственному печальному опыту. Рабочие классы следовали своей инициативе, и сомнительно, чтобы в настоящее время они отказались от неё. в этом и заключается залог их успеха.

Общественный переворот, начатый в 89 году и продолжаемый на наших глазах рабочею демократиею, есть превращение, совершающееся внезапно во всем политическом теле и во всех его частях. Это система, заменяющая собою другую, это новый организм, который становится на место одряхлевшего организма; но такое изменение не может совершиться мгновенно, с тою быстротою, с какой человек скидает старое платье или кокарду; оно не приводится в исполнение волей учителя, располагающего готовой теорией, не осуществляется под диктовку вдохновенного проповедника. Настоящая органическая революция – продукт всеобщей жизни; она имеет, конечно, своих исполнителей и избранников, но ее нельзя назвать чьим-нибудь исключительным делом. Сначала такая революция является элементарной идеей, которая едва пробивается, как зародыш, и на первый взгляд не представляет ничего замечательного, потому что кажется заимствованной у самой обыденной премудрости; но она разрастается неприметно и неожиданно, как жолудь, зарытый в землю, как зародыш в яичной скорлупе, и наполняет мир своими формами.

История полна таких примеров. Что может быть проще римской идеи в её начале: патрициат, клиентство, собственность. Вся система республики, её политика, её волнения, её история – все основано на этом. В идеи империи мы видим ту же простоту: патрициат окончательно уравнен с плебейством, вся власть сосредоточена в руках императора, который эксплуатирует мир во имя выгод народа и находится в зависимости от преторианцев. Это породило императорскую иерархию и централизацию. В 89 году вся революция целиком выражается в праве человека. В силу этого права признается господство нации, королевская власть становится общественной обязанностью, дворянство уничтожается, религия превращается в мнение *ad libitum*. – Мы знаем, как развились, каждое в свою очередь, и христианство, и право человека.

Тоже самое происходит в XIX веке с идеей рабочих классов; явись она при других условиях, она была бы совершенно ничтожна и не имела бы ни законности, ни достоверности.

Что же случилось? Народ дошел до самосознания; он почувствовал себя; вокруг него шумели во имя его, и это пробудило его ум. Буржуазная революция доставила ему политические права. Имея возможность освободить свою мысль без помощи истолкователей, он руководствовался логикой своего положения. Прежде всего народ совершенно отделился от буржуазии и попробовал обратить против неё её же собственные правила; он сделался её подражателем. Потом, наученный неудачей и отказавшись от своей первой гипотезы, он стал искать спасения в самостоятельной идее. Таким образом в рабочих классах выяснились два противоположные мнения, которые еще до сих пор мешают им понять свое положение. Но таков ход политических обращений, таков ход человеческой мысли и науки. Чтобы вернее добиться истины, делают уступки предрассудкам и рутине. Со стороны противников эманципации рабочих смешно считать своими трофеями эти несогласия, составляющая необходимое условие прогресса, даже самой жизни человечества.

Люксембургская система в основании одинакова с системами Кабэ, Р. Оуэна, Моравских братьев, Кампанеллы, Т. Мора, Платона, первых христиан и проч.; т. е. это система коммунистическая, правительственная, диктаториальная, авторитетная, доктринерная; она исходит из того принципа, что личность существенно подчинена обществу; что только от общества зависят жизнь и права отдельного лица; что гражданин принадлежит государству, как дитя семейству; что он находится вполне в его власти – *in manu* – и обязан ему подчиняться и повиноваться во всем.

В силу этого основного принципа верховности общего и подчиненности личного элемента, Люксембургская школа в теории и на практике стремится передать государству или, что то же, общине все: труд, промышленность, собственность, торговлю, народное просвещение, богатство, равно как и законодательство, юстицию, полицию, общественные работы, дипломатию и войну. Затем все это должно быть возвращено и распределено именем государства или общины между всеми гражданами, как членами великой семьи, сообразно с их способностями и потребностями.

Я только что говорил, что рабочая демократия, отыскивая свой закон и противопоставляя себя буржуазии, прежде всего обратила против последней её собственные положения.

Разбор люксембургской системы ясно покажет это.

Что было основным принципом древнего общества? То была власть, нисходящая с неба или выводимая, как у Руссо, из общества. Коммунисты говорили и делали тоже самое. Они относят все к верховной власти народа, к праву общества; их понятие о власти или государстве совершенно тождественно с понятием их древних учителей. Называйте государство империей, монархией, республикой, демократией или общиной, – дело от этого не изменяется. Для людей этой школы право человека и гражданина целиком вытекает из народного самодержавия; самая свобода лица есть отражение этого самодержавия. Коммунисты Люксембурга, икарийцы и проч. могут с спокойною совестью принести присягу Наполеону III: их политическая верования в принципе согласны с конституцией 1852 г., но они несравненно менее либеральны.

От политического строя перейдем к строю экономическому. От кого в древнем обществе получал гражданин свое достоинство, владения, привилегии, прерогативы? От закона, точнее, от верховной власти. Так например, при господстве римского права, потом при феодальной системе, наконец под влиянием идей 89 г., личная собственность была уступкой, даром государства, которое было единственным естественным обладателем земли; в сущности государство одно было собственником, и против этого напрасно было бы приводить всякие доводы, ссылаясь на требования приличия, своевременности, общественного порядка, семейных нравов, даже условий промышленности и прогресса. То же самое видим мы и у коммунистов: по их принципу, личность владеет своими имуществами, способностями, почестями, должностями, даже талантами по полномочию государства. Древнее государство, по необходимости или по расчёту, отчасти отреклось от своей собственности; многие семейства дворян и мещан вышли из первобытной нераздельности и образовали множество мелких государств в государстве. Коммунизм хочет возвратить государству все эти отторгнутые от него клочья власти и владения, так что переворот, выполненный по люксембургской системе, было бы с точки зрения принципа не более как восстановлением старого, то есть регрессом.

Так, подобно армии, захватившей неприятельские пушки, коммунизм только направил на ряды собственников их же собственную артиллерию. Раб всегда обезьянничает господину, демократ подражает автократу.

Независимо от общественной силы, которою партия Люксембурга еще не могла располагать, она предлагает и восхваляет, как средство осуществления, ассоциацию. Идея ассоциации не нова в экономическом мире. Мало того, самые могущественные ассоциации и их теории были созданы именно древними и новыми государствами божественного права. Наше буржуазное законодательство (гражданский и торговый своды) признает несколько родов и видов ассоциаций. Теоретики Люксембурга ровно ничего не прибавили к этому нового. Ассоциация была для них то просто общностью имущества и доходов (гл. 1836 и след.), то простым соучастием или кооперацией, то, наконец, компаниею или товариществом; чаще под рабочими ассоциациями разумели могущественные и многочисленные товарищества рабочих, которым государство помогает, дает заказы и которыми оно управляет, привлекая к себе всю рабочую массу, забирая в свои руки все работы и предприятия, захватывая всю промышленность, земледелие, торговлю, общественные должности, всякую собственность;

уничтожая частные заведения и предприятия; давя, поглощая всякую личную деятельность, всякое частное владение, частную жизнь, свободу, богатство, одним словом, поступая так, как теперь действуют большие анонимные компании.

Таким-то образом, по понятиям люксембургской партии, общественное владение должно уничтожить собственность; общая ассоциация должна ниспровергнуть или поглотить все частные ассоциации; конкуренция, обращенная сама против себя, должна привести к уничтожению конкуренции; наконец, коллективная свобода должна поглотить все корпоративные, местные и личные вольности. В том же духе рассматривался коммунистами вопрос о правительстве, его гарантиях и формах. В коммунистическом понятии о правительстве также мало нового, как в их идеях об ассоциации и правах человека: оно отличалось от прежнего только преувеличением. Политическую систему люксембургской теории можно определить таким образом: это плотная демократия, основанная, по-видимому, на диктатуре масс, но где массы имеют власть лишь настолько, чтобы упрочить всеобщее рабство на основании следующих формул и положений, заимствованных у древнего абсолютизма:

“ Нераздельность власти.

Всепоглощающая централизация.

Систематическое истребление всякой личной, корпоративной и местной мысли, как разрушающей необходимое единство.

Инквизиционная полиция.

Уничтожение или, по крайней мере, ограничение семейства, а тем более наследственности.

Всеобщая подача голосов, организованная на то, чтобы служить вечною санкцией этой анонимной тирании, давая перевес мелким и даже ничтожным личностям, которых всегда много, над способными и независимыми гражданами, которые объявляются подозрительным меньшинством. Люксембургская школа объявила во всеуслышание, что она враг аристократии ума и талантов.

Между коммунистами есть люди менее нетерпимые, неотвергающие безусловно собственность, промышленную свободу, независимость и самостоятельность таланта; по крайней мере, не запрещающие положительными законами ни обществ, ни союзов, возникших по естественной необходимости, ни частных имуществ и предприятий, ни даже конкуренции частных ассоциаций с рабочими обществами, покровительствуемыми государством. Но они преследуют эти опасные влияния косвенно; они обессиливают, их сплетнями, придирками, налогами и множеством других средств, заимствованных из практики правительств старого закала. Вот эти средства: прогрессивный налог; налог на наследства; налог на капитал; налог на доходы; налог на предметы роскоши; налог на свободные промыслы; с другой стороны: льготы ассоциациям; вспоможествование ассоциациям; поощрение и поддержка ассоциаций; приюты для инвалидов труда, для

членов ассоциаций и пр. пр.

Словом это все та же древняя система привилегий, обращенная теперь против тех, кому она прежде приносила выгоды; все та же аристократическая эксплуатация, все тот же деспотизм, только употребляемые в пользу народа. Государство-слуга делается таким образом дойной коровой пролетариата, который пасет ее на лугах и нивах собственников. В результате мы получаем просто перемещение привилегий: высшие классы низвергаются; низшие возвышаются; но об идее, о свободе, о справедливости, о науке нет и помину!

В одном только отношении коммунизм расходится с буржуазной системой: последняя признает семейство, которое коммунизм неуклонно стремится уничтожить! Но почему же коммунизм восстал против брака, требуя, по Платону, свободной любви? Потому что брак и семейство составляют оплот личной свободы, а свобода – камень преткновения для государственной власти. Чтобы упрочить власть государства, чтобы избавить ее от всякой оппозиции, всяких стеснений и помех, коммунизм не видел иного средства, как передать государству или общине жен и детей заодно со всем остальным. Это тоже самое, что еще называют эмансипацией женщины. Во всех этих заблуждениях коммунизму недостает изобретательности; он является простым подражателем. Когда ему представляется затруднение, он не разрешает, а рассекает его.

Такова сущность люксембургской системы, которая имеет сторонников, что неудивительно, так как она лишает буржуазию прав, милостей, привилегий и должностей и передает их в том же виде массам. Образцы и подобию этой системы существуют во всех деспотиях, аристократиях, патрициатах, общинах, больницах, приютах, казармах и тюрьмах всех веков и всех народов.

Следовательно, противоречие между принципами этой системы очевидно, вследствие чего она никогда не могла обобщиться и упрочиться. Она всегда падала от первого толчка.

Предположите на минуту, что власть находится в руках коммунистов. Рабочие ассоциации организованы; налог падает на те классы, которые при настоящем порядке избавлены от него; все остальное переделано в том же духе. в скором времени все лица, чемнибудь владеющие, будут раззорены; государство станет владыкою всего. Что же потом? Не ясно-ли, что община, у которой на шее очутятся все несчастные, раззоренные и ограбленные ею, на которую падет вся тяжесть занятий, предоставленных прежде свободным предпринимателям, будет получать меньше того, что истребила? Не ясно-ли, что она не выполнит и четвертой доли своей задачи; что дефицит и голод не далее как через две недели произведут всеобщую революцию; что все придется начинать с изнова, и дело снова начнется с реставрации?

Вот к чему ведет эта допотопная нелепость, которая тридцать веков ползком перебирается от одного народа к другому, как слизень по цветам. Она соблазняла лучшие умы и знаменитейших преобразователей: Миноса, Ликурга, Пифагора, Платона, Канпанеллу, Мора, Бабефа, Роберта Оуэна, Моравских Братьев и проч.

Следует однако заметить два факта, говорящие в пользу коммунизма: во первых, как первая гипотеза, он был необходим, чтобы приготовить путь для истины; во вторых, он не

отделял, как буржуазная система, политику от политической экономии, не смотрел на них, как на вещи различные и противоположные, но всегда утверждал, что принципы их тождественны; и желал согласить их. Мы возвратимся к этому предмету в следующих главах.

Версия #3

Зверобой создал 17 марта 2025 03:57:09

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:21:47